

П.А. Лапин*

Начальник Одиннадцатой Российской духовной миссии в Пекине о. Вениамин (Морачевич) как преподаватель школы русского языка при Дворцовой канцелярии (1825–1840)

АННОТАЦИЯ: В конце XVII — начале XVIII вв. происходит установление первых контактов между Россией и Китайской империей. С целью подготовки переводчиков русского языка в Пекине при Дворцовой канцелярии открывается специализированная школа. Представители Российской духовной миссии, с начала XVIII в. функционировавшей в китайской столице, оказали значительную помощь в работе этого учебного заведения. Одним из российских педагогов стал начальник Одиннадцатой духовной миссии о. Вениамин (Морачевич), прослуживший в школе порядка 15 лет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Школа русского языка при Дворцовой канцелярии, преподавание русского языка в Китае, российско-китайские гуманитарные связи, Российская духовная миссия в Пекине.

В конце XVII — начале XVIII вв. участились контакты между Россией и Цинской империей. В 1689 г. два государства подписали первый договор — Нерчинский трактат, зафиксировавший режим государственной границы на её некоторых участках. В конце семнадцатого столетия в Пекине сформировалась небольшая колония российских соотечественников — бывших защитников пограничной крепости Албазин, которые после её разорения маньчжурскими войсками пожелали перейти в китайское подданство. Развивалась

---

* Лапин Павел Андреевич, к.и.н., руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае; E-mail: waijiao2000@mail.ru

торговля: российским купцам было дозволено прибывать в Пекин для ведения коммерческой деятельности.

Цинские власти уделяли внимание российскому направлению своей внешней политики. При дворе в качестве советников по дипломатическим делам состояли миссионеры-иезуиты, которые доносили до китайского императора и его окружения относительно объективную информацию о положении дел в России. Поддержание и развитие связей с нашим государством обеспечивало центральное внутри- и внешнеполитическое ведомство — Палата по делам вассальных территорий (кит. *Лифаньюань*, 理藩院), которая также курировала контакты пекинского двора с вошедшими в состав империи южными и северными монгольскими княжествами и ханствами, джунгарами, Тибетом и Восточным Туркестаном. С целью организации переводческой работы в 1708 г. по указанию императора Канси в Пекине была учреждена Школа русского языка при дворцовой канцелярии (кит. *Нэйгэ Элосы вэньгуань*, 内阁俄罗斯文馆) (о процессе её открытия см. подробнее, например: [17, с. 49–61]).

Школа русского языка занимает важное место в истории гуманитарных связей России и Китая. Она стала первым официальным образовательным учреждением в Цинской империи по преподаванию нашего языка. В соответствии с уставом 1757 г., в школу принимались «24 молодых манжура из лучших фамилий» [11, с. 70]. Слушатели изучали русский язык в течение всего курса обучения, который был рассчитан на пять лет¹, и именно по этому предмету они сдавали экзамены. На экзамены выносился письменный перевод с маньчжурского языка на русский язык и наоборот. В качестве учебного пособия использовалась «Грамматика Смотрицкого», которая была переведена и адаптирована членами Российской духовной миссии для нужд преподавания. Учебник был подготовлен в 1746 г. и получил название «Собрание важнейших извлечений, переведённых с русского языка» (точнее: «Антология для овладения главным в переводе с русского». — *Ред.*) (кит. *Элосы фаньи цзэяо цюаньшу*, 俄罗斯翻译捷要全书) (см. подробнее: [7, с. 154–157]).

Большое внимание уделялось вопросам комплектации школы преподавателями. Так сложилось, что с самого начала работы учебного заведения основу педагогического состава составляли россияне — сначала это были русские казаки, осевшие в Пекине после погранич-

---

¹ Существует предположение, что курс обучения в школе не имел чётких временных рамок и определялся в зависимости от времени назначения выпускного экзамена [15, с. 8]. Есть также мнение, что обучение длилось девять лет, хотя это вряд ли соответствует действительности [12, с. 55].

ных конфликтов конца XVII в., и их потомки, а позже — священнослужители и студенты нашей Духовной миссии в Пекине (подробнее о российских преподавателях школы см.: [16, с. 80–88]). В середине XVIII в. в связи с резким ухудшением двусторонних отношений практика приглашения представителей российского духовного учреждения в школу была приостановлена. Лишь по прошествии более полувека цинский двор восстановил эту традицию.

Наиболее заметной и одновременно весьма противоречивой фигурой среди российских преподавателей был иеромонах десятой (1820–1830) и начальник одиннадцатой духовной миссии в Пекине (1830–1840) Вениамин (Морачевич)². Он стал первым россиянином,

---

² Информации о деятельности Морачевича в Пекине в отечественной историографии сохранилось немного, особенно о периоде его пребывания там в составе десятой миссии. Больше данных имеется относительно работы россиянина в качестве главы одиннадцатой миссии, хотя и они носят отрывчатый и местами противоречивый характер. Иеромонах одиннадцатой миссии Аввакум (Честной) сообщал, что управление духовным учреждением Морачевич осуществлял весьма некачественно: «По его (Морачевича. — П.Л.) собственным словам, он занимался только постройками: ломал, починивал, разрушал и созидал снова» [4, с. 154]. Примерно также обстояли дела и с изучением китайского языка: «Учёные или по крайней мере учебные занятия он (Морачевич. — П.Л.) не считал своей обязанностью и в течение десяти лет не мог прочитать с учителем Четырёхкнижия на китайском языке. Об других книгах он не имел понятия» [4, с. 154]. Однако, эти замечания не соответствовали оценкам, которые Морачевич давал сам себе: «Охотно и заботливо посещал изучение китайского книжного языка, на что мало тоже имел досужного времени на сие в прошедшее десятилетие и что оный необходимо нужен мне был как для самой проповеди и Китайского российского училища, так и для связи с китайскими учёными» [1, л. 22]. Кроме этого, глава миссии сообщал, что подготовил переводы с китайского языка «по части китайской географии и статистики... по части законодательной и судебной, о нравах китайцев и образе их жизни, начаты переводы Истории царства маньчжурского до завоевания оногo Китая... и отдельной истории Китая, когда он управлялся удельною системою», кроме этого, он сделал «описание китайского земледелия в нынешнем его состоянии с кратким обозрением его древности» [6, с. 12]. Сложно сказать, какова была дальнейшая судьба этих материалов, не исключено, что многие из них так и остались в рукописях или вовсе были утрачены. Во всяком случае, в архивах пока обнаружено лишь два труда Морачевича по Китаю: «Записка об европейских миссиях в Китае» и «О жертвоприношении небу» [5, с. 18–24; 10, с. 423]. Не обладая необходимыми знаниями, Морачевич, тем не менее, пытался организовать учебный процесс членов вверенной ему миссии, наталкиваясь на их несогласие. Это стало началом «ненависти его к миссионерам» [4, с. 154]. В дальнейшем конфликт только нарастал, о чём довольно быстро стало известно в

которого пригласили в качестве преподавателя в учебное заведение после нормализации отношений с Россией и, соответственно, духовной миссией в Пекине. «Китайское училище русского языка... входило в переговоры с начальником миссии о назначении туда одного из членов миссии в учителя, — писал Морачевич в своём отчёте в МИД в 1842 г., — и когда кончились между ними переговоры и сделан был доклад о сем, удостоившийся утверждения китайского императора, то по назначению начальника миссии жребий учительства в сем заведении пал на меня же» [1, л. 9]. По зачислении россиянина в школу Палата по делам вассальных территорий направила в Петербург соответствующее уведомление.

Это был дружеский шаг со стороны китайских властей, который в России высоко оценили. «Министерство [иностранных дел] с особым удовольствием приняло ваше (Лифаньюань. — *П.Л.*) известие об определении о. иеромонаха Вениамина профессором в пекинское маньчжурское училище русской словесности. Обстоятельство сие доведено до Высочайшего сведения, как благоприятное предвестие, что о. Вениамин своими неусыпными трудами заслужит вящее внимание местного правительства и тем самым подкрепит благоволение оного к нашей миссии» [9, с. 98].

По свидетельствам россиянина, ситуация в школе после его назначения туда была сложной. Уровень владения учениками русским языком оказался весьма низким. Из имевшихся слушателей лишь пять-шесть были способны к занятиям, да и «число сих немногих достаточно было для задачи мне (Морачевичу. — *П.Л.*) немалой работы» [1, л. 9]. В возникшей ситуации священнослужитель был вынужден «снова начинать учить их читать и писать» [1, л. 9об]. С тем, чтобы образовательный процесс был более эффективным, россиянин начал «писать слова и разговоры», а также приступил к составлению новой

России. «Министерство (МИД России. — *П.Л.*) с прискорбием усматривает, что несогласие и раздоры между Вами (Морачевичем. — *П.Л.*) и членами миссии преумножаются... Сама необходимость требует принять решительные меры для предупреждения всяких неприятных для нас последствий» [3, л. 7]. В результате в 1835 г. МИД принял решение назначить главой миссии Аввакума (Честного), сохранив за Морачевичем лишь право поддерживать контакты с Лифаньюанем, чтобы избежать недоразумений в отношениях с официальными китайскими властями [10, с. 142]. Это окончательно подорвало взаимопонимание между Морачевичем и простыми членами миссии, «но виноваты ли миссионеры, когда он сам (Морачевич. — *П.Л.*) отвратил от себя всех, частью своим невежеством, а ещё более вздорным и суматошным своим характером?» [4, с. 157]. Конфликт, видимо, так и не удалось разрешить вплоть до возвращения Морачевича в Россию в 1840 г.

«российско-китайской грамматики», которая, видимо, должна была заменить уже изрядно устаревший учебник, разработанный более полувека назад членами миссии на базе «Граматики Смотрицкого» [1, л. 9об].

В соответствии с введённым в 1834 г. распорядком дня, который регламентировал проведение занятий через каждые два дня на третий, россиянин посещал школу «до десяти разов в месяц», что давалось ему весьма нелегко, так как приходилось «из северной части Пекина... переезжать на медленном китайском экипаже более шести вёрст... для преподавания в училище своих учеников» [1, л. 9об].

После назначения Морачевича главой Одиннадцатой Духовной миссии пекинские власти решили вновь пригласить его в школу. В 1831 г. последовал новый доклад императору, в котором отмечалось, что «начиная с 16 дня 10 месяца 4 года Даогуан (1825), когда Лифаньюань, выбрав из постоянно находившихся в Пекине русских *Вэйниямин* (Вениамина (Морачевича). — *П.Л.*) и направив его в Школу русского языка для преподавания ученикам перевода, российский учитель на протяжении многих лет усердно обучал слушателей. Сегодня [срок командирования] *Вэйниямин* продлён, поэтому по ходатайству Лифаньюаня просим направить его в школу для преподавания перевода» [14, с. 1614]. Повторно утвердив Морачевича в должности преподавателя школы, Лифаньюань проинформировал об этом Российский Сенат, указав: «Вениамин, учивший прежде в казённом нашем российском училище российскому языку... по-прежнему также оставлен... для обучения казённых воспитанников оного» [9, с. 90].

По всей видимости, предыдущий период преподавательской деятельности начал давать некоторые результаты, так как после повторного назначения на учительскую должность, россиянин уже мог занимать «немногих учеников своих переводами русских басен, употребительнейших бумаг российских, из России в Пекин присылаемых, разговоров и беседами об России, всеобщей географии и вообще о всех нациях на свете, о коих китайцы имеют крайне недостаточные и ошибочные сведения» [1, л. 18]. Очевидно, что без хорошей предварительной подготовки качественно организовывать такие занятия не представилось бы возможным.

Надо сказать, что о. Вениамин как преподаватель школы был весьма противоречивой фигурой. Упомянувшийся выше иеромонах Аввакум (Честной) писал, что, будучи преподавателем школы, Морачевич «домогался здешнего чина 6-й степени и белого шарика³, и

---

³ Должность ассистента преподавателя (*сетун цзяошоу*), которую занимал Морачевич, так же как и у его предшественников, соответствовала восьмому рангу.

тогда ещё, как повествует предание, директора упомянутого училища он едва только не брал за горло» [4, с. 155]. Однако, в связи с тем, что с получением «чина и шарика сопряжено совершенное подданство здешнему императору, а без этого нельзя было дать ему ничего, то директор, опасаясь угроз его, что при первом же случае миссионеры откажутся переводить на русский язык маньчжурские бумаги, посылаемые отсюда в Россию, согласился ходатайствовать у своего правительства, чтобы оно снеслось с правительством русским, и оттуда испросило ему приличного награждения. Так и сделано» [13, док. № 179, с. 236, док. № 183, с. 240]. В начале 1831 г. министр иностранных дел, вице-канцлер К.В. Нессельроде направил Морачевичу послание, сообщив, что «из доставленного сюда листа пекинского Трибунала внешних сношений (Лифаньюань. — *П.Л.*) Министерству весьма приятно было видеть, что вы (Морачевич. — *П.Л.*) успели заслужить благодостное внимание китайского правительства, ходатайствующего о награждении вас. Обстоятельство сие доведено было до Высочайшего сведения и Его Императорское величество всемилистивейше повелел наградить вас наперстным крестом, украшенным драгоценными камнями, и архимандритской мантией» [2, л. 1].

Полученная Морачевичем награда была весьма неоднозначно воспринята другими членами Духовной миссии. «Вот теперь открылось ему самое обширное поприще для видов честолюбия и для надежды на получение подобных или ещё больших наград от нашего правительства», — в частности, писал Аввакум [4, с. 155].

Повторное назначение на пост учителя школы и высокие поощрения со стороны российских властей, по всей видимости, отрицательно сказались на рабочем настрое россиянина. Большого желаня вести подготовку учащихся он уже не демонстрировал: «Китайско-российское училище, — указывал священник в своём отчёте в МИД, — хотя составляло для меня второстепенный предмет, менее других важный, но для соблюдения, по крайней мере, благопристойности, всё же нужно было посещать его пять-шесть раз в месяц» [1, л. 18].

В 1840 г. в связи с завершением деятельности одиннадцатой духовной миссии Морачевич вернулся в Россию⁴. После его отъезда по просьбе Лифаньюаня в 1842 г. к школе был прикомандирован бывший иеродьякон одиннадцатой и глава новой двенадцатой духовной

---

⁴ В Санкт-Петербурге миссионер был назначен настоятелем Александро-Невской лавры, где и умер в 1853 г. [10, с. 145].

миссии Поликарп (Тугаринов)⁵. «Учитывая, что русский *Вейниямин* по истечении срока [пребывания в Пекине] вернулся в Россию, надо выбрать нового учителя. Преподавание может вести русский *да-лама* (православных священников ещё с XVIII в. именовали “ламами” по аналогии с монгольскими священнослужителями. — *П.Л.*) Тун Чжэнху (Тугаринов. — *П.Л.*)» (Первый Исторический архив КНР. Цз. 3619 (1842–1843), док. 1, л. 1).

Тугаринов стал одним из последних российских преподавателей школы. В марте 1862 г. по решению государственной комиссии, которая провела инспекцию школы, учебное заведение было закрыто ввиду неэффективности [18, с. 3].

Работу Вениамина (Морачевича) на посту школы русского языка в Пекине вряд ли можно оценить однозначно. Он проработал в учебном заведении порядка 15 лет, как указывал в своём отчёте, регулярно посещая учебное заведение. При своём вступлении в должность свидетельствовал, что знания учащихся были неудовлетворительными, однако в результате продолжительной работы с ними слушатели смогли выполнять переводы и обсуждать со своим наставником различные аспекты жизни России. Это говорило о повышении уровня владения русским языком учениками.

Вместе с тем нет свидетельств, позволяющих заключать, что в своей преподавательской деятельности Морачевич достиг каких-либо значимых результатов. Инициатива по подготовке нового учебного пособия для преподавания русского языка взамен морально устаревшего учебника «Собрание важнейших извлечений», по всей видимости, так и не была реализована. После своего возведения в должность начальника миссии священнослужитель, сам то признавая в своём отчёте, перестал уделять вопросам преподавания больше внимания, зато выпросил для себя из России высокие государственные награды.

Даже если не учитывать внутренний конфликт в миссии между настоятелем и простыми священнослужителями, который отрицательно сказался на авторитете Морачевича, очевидно, что за столь продолжительный срок со своей основной задачей по подготовке русистов он так и не справился. В историографии пока не нашлось упоминаний ни об одном выпускнике школы русского языка (если тако-

---

⁵ За годы, проведённые в Пекине, Тугаринов весьма хорошо освоил китайский, маньчжурский и тибетский языки. В свидетельстве, выданном ему Советом миссии ещё в октябре 1835 г., указывалось, что он занимался «китайским языком, судя по времени, с успехом превосходным, маньчжурским — очень успешно и тибетским хорошо» [8, с. 167].

вые вообще имелись), который с 1825 по 1840 гг. приобрёл бы известность знатока русского языка и использовался в качестве переводчика.

Как бы то ни было, российский священнослужитель внёс вклад в поддержание работы первого в Китайской империи официального учебного заведения по преподаванию русского языка, и не исключено, что в случае отсутствия русского участия школа была бы расформирована гораздо раньше ввиду своей профессиональной непригодности, а не в начале 1860-х гг., когда осуществлялось всеобщее преобразование государственного аппарата в соответствии с международными обязательствами цинского двора.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 161 («Санкт-Петербургский главный архив»), I-5, оп. 4, 1823 г., д. 1 («Отчёт начальника 11-й Духовной миссии в Пекине Вениамина (Д.С. Морачевич)»), п. 13, 1842.
2. Российская национальная библиотека (СПб.). Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 1457 («Митрополит Виктор (Святин)»), оп. 1, ед. хр. 69 («МИД, Азиатский департамент. Письмо вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде начальнику миссии арх. Вениамину о награждении его архимандритской мантией и наперстным крестом»), 6 февраля 1831 г.
3. Российская национальная библиотека (СПб.). Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 1457 («Митрополит Виктор (Святин)»), оп. 1, ед. хр. 77 («Донесения начальника миссии архимандрита Вениамина и иеромонаха Аввакума и др.»), 17 октября 1831 — 26 мая 1836 гг.
4. *Аввакум (Честной)*. Наша китайская миссия в 1834 году. Письмо Аввакума Честного из Пекина в Архангельск // Русский Архив. 1884. № 5.
5. *Вениамин (Морачевич)*. Записка об европейских миссиях в Китае // Китайский благовестник. Вып. 8. 1911.
6. *Вениамин (Морачевич)*. Отчёт о. Вениамина // Китайский благовестник. Вып. 1–2. 1916.
7. *Волкова М.П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 61. 1963.
8. *Ипатова А.С.* Пекинские письма П. Тугаринова к Н.И. Любимову (40-е годы XIX) // И не распалась связь времён... (К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова). М.: Изд-во «Восточная литература», 1993.
9. *Миротворцев В.* Материалы для истории Пекинской духовной миссии // Православный собеседник. 1888. № 9.
10. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: «Наука», 1977.
11. *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах. Ч. III. Пребывание в Пекине. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824.

12. *Гао Сяофан*. Вань цин янгу сюэтан дэ вайной цзяюй яньцзю (Исследования по преподаванию иностранных языков в иностранных школах в позднecinский период). Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2007.
13. Гугун эвэнь шиляо (Материалы на русском языке из Императорского дворца). Пекин: Тайлянь гофэн чубаньшэ, 1964.
14. Мин Цин шиляо (Материалы по истории династий Мин и Цин). Т. VIII. Тайбэй: Academia Sinica, 1960.
15. *Су Цзин*. Цинци тунвэньгуань цзици ши шэн (Цинская Школа иностранных языков Тунвэньгуань, её преподаватели и ученики). Тайбэй: Шанхай иньшунчан, 1985.
16. *Сяо Юйцю*. Цинци Элосы вэньгуань яньпинь э жэнь цзяюси яньцзю (Исследования найма российских преподавателей в Школу русского языка во время династии Цин) // Шисюэ юэкань. 2008. № 12.
17. *Чжан Юйцюань*. Элосы гуань шимо цзи (Полное описание Школы русского языка) // Вэньсянь чжуанькань. 1944. № 1.
18. Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо (Исторические материалы по системе образования в Китае в Новое время). Под редакцией *Чжу Юсяня*. Первое издание. Т. I. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1983.

P.A. Lapin*

**The Head of the 11th Russian ecclesiastical mission
Father Veniamin (Morachevich) as a teacher
of the Russian language school under the Cabinet
(1825–1840)**

ABSTRACT: In the late 17th and early 18th century the first contacts between Russia and the Chinese Empire were established. A professional school under the Cabinet was opened for the purpose of training the Russian language interpreters. Representatives of the Russian ecclesiastical mission, which functioned in the Chinese capital since the early 18th century, provided a significant assistance to this school. One of the Russian teachers was the head of the 11th Russian ecclesiastical mission Father Veniamin (Morachevich) who had been working for the school for about 15 years.

KEYWORDS: Russian language school under the Cabinet, Russian language teaching in China, Russian-Chinese humanitarian ties, Russian ecclesiastical mission in Peking.

* Lapin Pavel Andreevich, PhD (History), Head of the Humanitarian cooperation and Mass-media office of the Russian Embassy to China; E-mail: waijiao2000@mail.ru